

66-я параллель

Эту историю можно было бы смело назвать «Великие озера Мезенского края». Хотя величие определяется не их размахом в бескрайней Малоземельской тундре.

Текст, фото: Александр Якушев

С каждым днем, проведенным на 66-й параллели, я все сильнее и сильнее ощущал не столько величие стихии Русского Севера, сколько негромкое величие духа людей, покоривших эту землю.
– К бережине вытягивай! К бережине! Давай! Мощнее давай! – во все горло командовал Нико-

лаич, мой проводник. Медленно вращая в песчаный угор, я тянул изо всех сил канат, приготовленный для переправы его нового вездехода. Капитан этой плавучей конструкции крепко держал руль, словно румпель поморского коча, сопротивляясь сильному течению, и метр за метром вездеход, подобно лихтеру, приближался ко мне.

Короба, мешки, ведра и прочее снаряжение мы уже переправили на левый берег реки на лодке-шитухе, которую оставляют на этой переправе на все лето.

Вверх по реке, верст так с десять, по правому берегу стояло одно из самых ранних поселений лесных поморов – поречни, как они сами себя называли. Поречна расселялась преимущественно на при-

годных к земледелию берегах рек Мезенского края, называемых чернопахатными, дойдя до его северных границ с тундрой. Отлеглые, то есть удаленные, пожни этого поселения простирались по обоим берегам извилистой реки. И спуск к переправе не зарос, как и в прежние времена, он напоминает о людях на этой земле, только теперь здесь больше следы снегоходов и болотоходов.

Богатые рыбой тундровые озера, питаемые водами проходных болотных ручьев, связанные с реками, впадающими в Баренцево море, расположились преимущественно по левому берегу реки и образовали целую систему озер, в которых, казалось, заключено какое-то великое таинство. Этот водный мир и был целью моей поездки.

Погрузив уже второй раз за день наше снаряжение на вездеход и, как не раз говаривал проводник-устьянин, «переведши пых», мы продолжили путь по колее лесной тропы, беседуя преимущественно о резкой, непредсказуемой смене погоды и о том, как раньше ходили промысловые артели на левобережные озера.

– От деревни нам ходу одна вода (то есть полсутки. – А.Я.), – отвечал проводник на мои вопросы. – Наединась (в одиночку. – А.Я.) в эти края никогда не хаживали, тропа болотна коварна и опасна!

Лес становился все реже и реже, ели, наполовину заросшие мхом и лишайниками различных оттенков, становились все ниже и ниже. Под побывальщины моего неторопливого спутника проходило время непродолжительных перегонов от залог (остановка. – А.Я.) до залог – нужно было делать короткие остановки, чтобы дать остыть механизму поворота гусеничного вездехода. После первых пробных поездок требовалось доработать этот механизм, и Николаич даже знал как, но пока не нашел времени. Недоглядели изготовители, и приходится покупателям самим дорабатывать российские серийно выпускаемые вездеходы. Кстати, совсем недешевые.

Во время коротких залог доедали приготовленные к походу опекиши, шаньги и котлеты. Затем я отрешенно валился на кустарник и вслушивался в тишину серого неба и желтовато-коричневой болотной пустоши. Но если присмотреться, то это

унылое покрывало превращалось в изобильное разноцветие трав, кустарников и мха.

– Вот на этом самом месте моя бабка рожала моего дядьку, возвращаясь пешком с промысла. Тут всегда делаю остановку, вспоминаю ее, – начал очередной свой рассказ Николаич, выделяя детали обычаев и быта того времени.

В чем нам повезло, так это в том, что утренний морозящий дождь прекратился, и на небе тучи толкались вхолостую до самой ночи. Я уж было привык к пустынному пейзажу северной тундры, как мы въехали в бережной лес, и совсем скоро появился силуэт лесной избушки. Достаточно просторной и неожиданно ухоженной.

– Натть поперью ужну собрать, рыбалку твою потом обсудим, в ночь выйдем, и спиннинг свой покидаш, – предложил проводник.

На наветренном берегу недалеко от истока ручья, вытекающего из Озера, я сразу же вытащил двух крупных харюзов.

Я кивнул, соглашаясь.

– Тогда лагерная обрядня вся за тобой. Короба и пожитки под навес складывай, а я лодку сряжать начну.

Я кивнул и усталый принялся выполнять свои лагерные обязанности. К концу дня привык к поморскому говору проводника и освоил новые слова и выражения. Ветер у поморов не дует, а падает, а сильный ветер рубит. Смысл новых слов понимал по наитию.

Резкое похолодание, которое продолжалось всю неделю, и неутихающий четыре дня ветер, приносящий по утрам настырный, морозящий снег, изменили запланированный выход на рыбалку. Лодка с 5-сильным моторчиком представляла собой старую посудину, которую за неповоротливость и необустроенность я прозвал «шнявой».

Ветер ненадолго загнал нас в дальний, защищенный от него залив, где мне удалось быстро освоиться с условиями и наловить немного окуней, а в прибрежной траве поохотился за щукой, но после трех-четырех сходов понял, что необходим мозговой штурм. Щука выходила в берег, но атаки были настолько запоздалые, что блесна вырывалась из пасти с нераскрытой защитой крючка. Сменив

место, нашел еще одну стоянку окуня и надергал нужное на котел количество. К этому времени над озером зависла густая пелена мороси, леденящий ветер стал пронизывать до костей...

Одеяло пригодились только к утру, жар от печки стоял в избе очень долго. Окончательно проснувшись, понял: до вечера порыбалить ну никак не получится. Да и не было такой охоты после тяжелейшего марша и наскоро проведенной рыболовной пристрелки.

Не спеша, вразвалку приступили к лагерной обрядне. Николаич полдня провозился с вездеходом – разбирался с рулевым механизмом. Возразил, что подмога не требуется, и отправил меня изучать Озеро.

Часа три проходил в забродных сапогах вдоль лагерной косы и пытался понять причину поведения щук-травянок, атакующих мои приманки.

Среди всех озер этой местности наше Озеро было самым крупным, и его форма очень напоминала систему Великих озер в Северной Америке, как будто пять средних по размеру водоемов последовательно соединялись друг с другом и образовывали целый каскад.

В ночь, то есть с вечера до полуночи, собрались на рыбалку. Мой капитан решил поставить сети до утра (местному населению здесь разрешен лов сетями), а меня высадить на наветренный берег недалеко от истока ручья, вытекающего из Озера. Здесь я сразу же вытащил двух крупных харюзов. А потом, наигравшись в догонялки с мелким, некулинарным окунем в ручье, пошел пробовать удачу в бережной траве. Но безрезультатно, и пришлось вернуться к устью ручья.

Утром следующего дня Николаич проверил сети, в которые зашло много разной рыбы, и решил отправиться в деревню, починить вездеход и вернуться сюда на третий день. Его план предусматривал вторую поездку с целью исследования новых промысловых водоемов сразу же после моего отъезда, и надежность вездехода встала на первый план.

– Если вездеходом пойдём груженные и встанем на болотах, то точно на самолет не успеешь, – объявил он свое решение.

Подсознательно я хотел побыть в одиночестве в практически недосыгаемом для человека месте.

– Если со мной что случится, то за тобой Алексеич на своем снегоходе приедет и заберет тебя и твоих двух харюзов, – закончил свой сказ Николаич.

Когда шум вездехода стих, я остался один на один с заболоченной тундрой 66-й параллели.

В ночь неторопливо собрался и отправился на шняве к наветренному берегу.

Место рыбалки выбирал не я, а ветер, толкая лодку со мной то к одному берегу, то к другому. Щука в берег так и не вышла, и пришлось искать

стайки окуней, которых ловил практически под лодкой на джиговую снасть, так как на леску намазывались растения, делая дальние забросы пустой тратой времени. После того как на крючок стала попадаться мелочь, отправился по виске до заветного места – укрытого елями со всех сторон малого озера. Виска оказалась достаточно глубокой и принесла очередную рыбацкую удачу. Этот проточный окунь аж выпрыгивал из воды, гоняясь за силиконовой приманкой, чем поднял настроение.

А за последним поворотом протоки открылась сказочная картина. Царящая вокруг тишина потрясала своим величием. Казалось, что зависшие над водной гладью тяжелые облака ревностно охраняли этот затерянный мир. Обойти его на веслах вдоль берега не составляло труда. Но пройдя половину бережной линии, я остановился, замороженный окружающей безмятежностью и умиротворенностью. А ведь совсем рядом и совсем недавно по моим щекам хлестала снежная морось.

Буквально силком заставил себя вернуться к рыбалке. Озеро это, будучи проточным, заросло травой до неприличия, и любой безлопастной, а тем более лопастной воблер – это стопроцентная холостая проводка. Мои тяжелые щучьи блесны-колебалки за счет пауз смогут увеличить время нахождения в точке вероятной атаки, но при дальнем забросе, даже если не успеют опуститься на средний горизонт и зацепить стреловист или широколистный рдест, начинают собирать водоросли.

Вспомнил дискуссию на рыболовном форуме, где делились опытом на тему ловли в густой траве. Несмотря на доводы о преимуществе недогруженной резины на оффсетнике, проводку приманки в поверхностном слое с наименьшей вероятностью

Когда шум вездехода Николаича стих, я остался один на один с заболоченной тундрой 66-й параллели.

зацепить водоросли могла показать только блесна-вращалка, причем вне зависимости от типа крючка! Но когда нужно было проверить средний или придонный горизонт, то альтернативы недогруженной резине на оффсетнике не было. Там, где была возможность, старался применять щучьи блесны-колебалки с крючком-оффсетником. Никакого поиска, никакого разнообразия приманок не требовалось, но это с лихвой компенсировалось применением всех ранее приобретенных знаний о влиянии ветра, температуры и света на поведение рыб.

Непродолжительная рыбалка закончилась всего двумя волнующими своей неожиданностью и мощью бросками крупной щуки.

На утро, если вообще так можно сказать, ведь в пасмурную погоду отличить день от ночи в запылярье летом почти невозможно, поднялась снежная метель, тучи спустились неприлично низко, и порой казалось, что небо хочет прогнать меня отсюда. Днем я отсыпался по причине ожидания ночного визита Мезенского лешего, но к вечеру ветер опять показал место рыбалки в ближайшем заливе за лагерем.

Наша изба, навес, старая изба, используемая как склад старых, обветшалых снастей, и еще не менее древняя летняя избушка располагались на трехсотметровой косе, разрезающей береговую линию, как стрелка, на две заводи.

На другом берегу косы для такого случая в лесу меня ожидала небольшая весельная лодка, в которой я и встречал рассвет. Поначалу, когда вездущий ветер еще вызывал всей своей силой прибрежную волну, я укрывался на самом краю косы, где продолжал безуспешные попытки выманить щуку из травы, которая показывала свое присутствие только демонстрацией хвостов в ответ на забросы моих колючих бобушек (бобушка – детская игрушка. – А.Я.).

К полуночи небо словно застыло, и воцарилась цепенящая тишь. Единственная эмоция – ликование – овладевала мной, находящимся в центре этого вселенского покоя, лишённого круговерти жизненных стремлений и событий. Всплески от хода весельной лодки казались мне единственными оставшимися в этом мире звуками, а практическая невозможность в одиночку выбраться отсюда в привычную городскую жизнь вовсе не пугала, а скорее опьяняла.

Ко всему можно привыкнуть – и к состоянию не изведанного ранее духовного подъема тоже. Временами я даже впадал в глубокое, даже совершенное уныние от безнадежного одиночества.

Проведенные вылазки показали, что неоднородность донного и берегового рельефов, многочисленные островные насыпи вместе с несвойственной для этого времени погодой превращают поиски в отсутствие проводника в лотерею. Мыслей до самого вечера было много, но все они улетучились со звуком мотора знакомого вездехода.

– Ну и как тут поживашш? Не одичал?

– Нет, хотя в первую ночь-то страшновато было.

– Наш-то, Мезенский леший не даст пропасть!

Вот в соседней деревне у меня дальний родственник в детстве заблудился в лесу, и его искали аж несколько дней, а когда нашли и спросили, он ответил, што не голоден и ему лесной дядя еду приносил. Вона как бывает! А на ужин у тебя што? Дай пых перевести, подремлю пару часов, и в ночь за второй остров давай сходим, там шшук покрупнее, может, и найдешш.

Мерзлявая, ветреная погода утихла к полуночи, но надежда на тихий солнечный день все эти дни умирала с первым утренним взглядом на водную гладь из окна избушки. За вторым островом северная бережная линия в заливах упиралась в калтус и чем-то напоминала мне скрытое за елями затерянное болотное озеро, покоровившее своей первозданной красотой. Перемещаясь от залива к заливу и утапливая атаковавших мою приманку окуней и щук, я упорно искал щуку своей мечты. Окунь-горбач ловился средних размеров, щуки были размером с локоть-полтора, и только два зубатых бойца были с аршин.

На следующий день мы дошли до западной части Озера, где встретили две многочисленные стаи лебедей, осмотрели почти все его северные и юж-

ные бережные заливы, где мне посчастливилось поймать щуку скрадом.

Ловля с подхода, так же как и в среде охотников, своим названием намекает на то, что трофей добывается, если ловцу удастся подойти на расстояние сверхточного заброса нужной приманки. Это требует от ловца знаний повадок той или иной рыбы, умения обращаться с рыболовной снастью, понимания условий, места, времени ловли и, конечно же, обладания навыком тихого передвижения по берегу или в лодке. Трофей, пусть не самых выдающихся размеров, добытый таким образом, для меня всегда самый желанный.

Малым ходом на моторе или на веслах мы шли бережной линией в поисках щуки, которая должна, даже обязана была выйти на прогретый выглянувшим солнцем берег. Все внимание было к зарослям камыша и прибрежной траве, и через некоторое время раздался резкий, мощный всплеск.

– Щука в берег вышла!

– Давай еще немного ближе подойдем.

– Ты смотри, ишш как плешшица! – прошептал проводник.

– Ну не меньше аршина должна быть, – отвечаю и делаю заброс крупной вертушки.

Точнейший заброс в окно камыша, резкий взмах спиннинга для выхода блесны на работу в приповерхностном слое, первый оборот катушки, второй оборот и удар! Гол! Такой радостной рожки у меня проводник не видел за все время похода. Я подпрыгивал от счастья, раскачивая шняву. Ну не понимал он этой радости, пожалуй, единственной рыбацкой радости этой экспедиции.

Мы еще час походили в надежде повторить, но Озеро предоставило только один шанс. Вскоре погода испортилась, и возвращались в лагерь уже под дождем.

В ночь вышли проверить новые берега, как травяные, так и болотные, но без сюрпризов, и главным результатом стало хорошее настроение от всего увиденного и пережитого за эти несколько дней.

Обратная дорога по тундре уже не так утомляла и удивляла туриста, а в минуты коротких остановок тундра своими скудными пейзажами скрашивала прощанье с Великими озерами Мезенского края, где тяжелые, темные воды 66-й параллели обладают удивительной способностью проникать в душу человека, и если душа не покоряется, не пугается, то страх, возникающий перед мощью водяного безмолвия, отступает.

